

*Автор выражает благодарность
Надежде Шолиной,
доценту кафедры
всемирной литературы
НГПУ им. К. Минина, за помощь
в блуждании по дебрям латинских
падежей.*

Н. Попова

КОНГРЕГАЦИЯ СТЕЗЯ СМЕРТИ

Москва
RUGRAM
2024

УДК 82-312.9

ББК 84.4

П58

Попова Н.

П58 Стезя смерти / Н. Попова — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 558 с.— (Конгрегация).

ISBN 978-5-517-11783-0

Германия, Кёльн, 1390 A.D. Благополучный город, редкие правонарушения, в местном отделении Инквизиции царит скука и праздность. Недавно переведенный сюда молодой следователь Курт Гессе, изнывающий от безделья, хватается за совершенно заурядное, на первый взгляд, происшествие — смерть во сне студента местного университета. Начинающему инквизитору придется окунуться в жизнь студенческого братства, вступить в опасную игру с высшей знатью и духовенством и свести близкое знакомство с пфальцграфиней Маргарет фон Шёнборн. Сердце или разум будет советчиком, когда он окажется перед самым страшным выбором, который только может встать перед следователем Конгрегации?..

BICFM
BISACFIC009000

© Надежда Попова, текст, 2021
© Анастасия Белецкая, обложка, 2021
© РИПОЛ классик, оформление, 2024
© Т8 RUGRAM, оформление, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

ISBN 978-5-517-11783-0

*Et pacti Dei sui oblita est inclinata est enim
ad mortem domus eius et ad impios
semitae ipsius; omnes qui ingrediuntur ad
eam non revertentur nec adprehendent
semitas vitae.*

(Pr.2:18–19)¹.

¹ Дом ее ведет к смерти, и стези ее — к мертвецам; никто из вошедших к ней не возвращается и не вступает на путь жизни (*лат.*). (Прит., 2:18–19).

ПРОЛОГ

Прямой удар в горло Курт блокировать не стал — отшатнулся, прогнувшись назад, и попытался коротким прыжком уйти в сторону, дабы достать противника в бок; тот ударил снова — теперь обоими кинжалами сразу, опять в горло и в грудь. Острые царапнуло по куртке, второе вновь прошло мимо, и Курт отпрыгнул теперь вспять, держа свои клинки наизготовку, понимая вместе с тем, что человек напротив уже знает, какой удар он нанесет и куда, а потому остался на месте, замявшись в нерешительности.

— Ты ждешь знака свыше, Гессе? — ухмыльнулся противник на хорошей латыни; Курт сжал зубы.

Мельком он подумал о том, что не во всем Гвидо Сфорца превосходит его — самому Курту языки давались свободно, а вот кардинал за все годы, проведенные в Германии, так и не научился изъясняться по-немецки сносно...

Наказание за несвоевременные размышления пришло немедленно — просто шагнув вперед, противник сбил его руку в сторону, развернулся с ловкостью, удивительной для своего возраста, и ударил Курта ногой в правое бедро. От второго удара — рукоятью в ребра — заградило дыхание, и он повалился на колени, выронив оружие и упираясь ладонями в холодный песок, дыша тяжело и с усилием. Острые кинжала прижалось к коже под подбородком, и все тот же насмешливый голос на безупречной латыни сообщил:

— И ты убит, Гессе.

— Это было бесчестно, — отозвался он, не поднимая головы. — Я ранен! И вы били по ранам!

— Безусловно... — клинок легонько похлопал его по шее. — Сдаешься?

— Да никогда, — процедил Курт зло; кардинал засмеялся:

— Ну и дурень. Поднимайся.

Курт взялся за протянутую ему ладонь, с трудом встал на ноги и возобновил дыхание; наставник качнул головой:

— Гессе, Гессе... Забудь, раны давно затянулись.

— Руки едва только зажили.

— Вполне достаточно, чтобы держать оружие, — фыркнул Сфорца пренебрежительно. — А прочее и вовсе ерунда. Когда ты не наблюдаешь за собой, ты перестаешь прихрамывать и спокойно дышишь; миновало три месяца, с твоим-то молодым организмом — вполне достаточный срок. Но я знаю, что ты неизменно думаешь об этом, а посему — твоя слабость есть моя сила. Между прочим, твои недруги о честном бое помышлять не станут. И ты убит.

— Снова, — кисло добавил Курт; кардинал кивнул:

— Снова. Кроме того, весьма по-глупому.

— По-вашему, я должен был вам сдаться?

— Конечно, — передав Курту клинки, наставник развернул его, установив там, где сам стоял только что; встав на его место, со вздохом опустился на колени, упираясь в песок ладонями. — Дева Мария, мои старые кости... Встань, как я стоял. Я покажу, что надо было делать.

Курт взглянул на клинки в своих руках, на свои кинжалы, лежащие на песке, и скептически покривился.

— На дворе ноябрь, Гессе, — нахмурился кардинал. — И в моем возрасте бесполезно стоять на холодном песке. Приставь кинжал к моей шее.

— Что-то мне не хочется, — нерешительно возразил Курт. — Зная вас, убежден — вы выкинете какую-нибудь грязную пакость.

— Вперед, курсант!

— Я уже полгода не курсант... — пробормотал Курт себе под нос по-немецки, однако стал, как было велено — заняв ту же позицию, что и наставник минуту назад, приставив к его шее острие кинжала и отведя назад оружие в левой руке.

— Итак, я сдаюсь, — прокомментировал кардинал. — И ты, как и любой человек, после таких слов расслабляешь внимание, пусть хоть ненадолго — чтобы хотя бы насладиться этим моментом, даже если оставлять мне жизнь и не собирался.

Курт понял, что Сфорца намеревается сделать, но излишне поздно; увернувшись от брошенной в лицо горсти песка, он за-

слонил глаза локтем, отступив, и ощутил, как одно острие прижалось к колену, а второе уперлось в пах.

— И ты убит, Гессе. Снова.

Рядом прозвучал глумливый смешок:

— Причем весьма... курьезно.

Курт зло бросил взгляд на Бруно, следящего за его занятиями вот уже более получаса, по временам отпуская комментарии, подобные этому, и начиная уже, говоря по чести, действовать на нервы.

— Замолкни, — процедил он, подавая наставнику руку и помогая подняться, а левой ладонью отирая глаза — все-таки, увернуться полностью не вышло.

Кардинал улыбнулся, отряхивая штанины, и похлопал его по плечу:

— За удовольствие увидеть Гвидо Сфорца на коленях не за молитвой, Гессе, надо платить. Продолжим?

В ответ Курт сказать не успел ничего — обернулся на чьи-то торопливые шаги: почти бегом к ним подлетел курсант и остановился, найдя мастера инквизитора взглядом.

— Мастер Гессе, — неровно дыша, обратился он, глядя преданно и с почтением. Курт невольно подумал о том, какие легенды ходят о нем сейчас в академии. В обстоятельства дела курсантов никто, само собою, не посвящал, и их мнение о нем целиком зависело от их же фантазии...

— Да? — подбодрил он.

— Отец Бенедикт зовет вас. Я бы не стал мешать, но он велел...

— Спасибо, — кивнул Курт и обернулся к наставнику, с улыбкой разведя руками. — Похоже, сегодняшний урок окончен, ваше высокопреосвященство. Спасибо, что расходуete на меня свое время; вы ведь теперь не обязаны...

— Обязан, — серьезно возразил кардинал. — Иди, не заставляй духовника ждать.

— Спасибо, — повторил Курт и, развернувшись к Бруно, бросил ему клинки. — Держи. Потрать время с пользой.

Тот поймал оба кинжала — довольно ловко, и мысленно Курт похвалил его: месяц назад или выронил бы, или промахнулся, или вовсе ухватился бы за лезвие.

— Ненавижу эту поножовщину, ты же знаешь, — недовольно pokrивился Бруно; Курт улыбнулся с неприкрытым злорадством:

— Знаю. Вперед, воитель! Желаю удачно умереть.

К главному корпусу академии святого Макария Курт шагал быстро, шурясь на нисходящее к горизонту желтое солнце и уже смутно догадываясь, о чем намеревается говорить с ним духовный наставник. С того дня, как умирающий, почти истекший кровью господин следователь после своего первого дела был доставлен в *alma mater*, и впрямь прошло достаточно времени; и сколь бы ни было отрадно бывшему выпускнику пребывание в воспитавших его стенах, пора уже и подумать о возвращении к службе...

По тому, с каким торжественно-приветливым лицом шагнул к нему навстречу духовник, Курт понял, что не ошибся; прикрыв за собою дверь, он остановился, принимая благословение, и шагнул вслед за рукой, потянувшей его к скамье.

— Садись-ка, — поторопил его наставник, усаживаясь, и Курт подумал вдруг, как его духовный отец сильно сдал за последнее время. Видя его каждый день в течение десяти лет обучения в академии, этого почти нельзя было заметить, однако, стоило покинуть родные стены всего-то на два с небольшим месяца — и Курт, вернувшись, осознал, насколько постарел его и без того немолодой наставник. А за те три месяца, что он провел здесь, зализывая раны, ощущение это лишь крепло...

Он сел рядом, глядя неотрывно в лицо духовника, и тот вдруг грустно усмехнулся:

— Я неважно выгляжу, верно?

Курт смутился, опустив взгляд, и пробормотал тихо:

— Вы всегда меня знали лучше меня самого, отец...

— Ой ли... — посерьезнев, вздохнул отец Бенедикт. — Ты понимаешь, зачем я хотел говорить с тобой?

— Наверное, понимаю. Рай кончился, пора возвратиться к делу.